

В.А. Радич

Черноморские богатыри
Картины Севастопольской
обороны

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 93
ББК 63.3
В11

В11 **В.А. Радич**
Черноморские богатыри: Картины Севастопольской обороны / В.А. Радич –
М.: Книга по Требованию, 2022. – 188 с.

ISBN 978-5-458-09985-1

Первое прижизненное издание исторического романа *Черноморские богатыри* (1904) об обороне Севастополя русского писателя Василия Андреевича Радича (1860-1904). Санкт-Петербург : издание П.П. Сойкина, ценз. 1904.

ISBN 978-5-458-09985-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Мужчины хранили угрюмое молчаніе, женщины— проливали слезы.

Съ бухты донесся новый перезвонъ: склянки пробили девять.

Въ этотъ часъ отъ главнокомандующаго сухопутными нашими силами, князя Меншикова, прискакалъ курьеръ и остановился у дома, занимаемаго адмираломъ Корниловымъ.

Уважаемому адмиралу сейчасъ жѣ доложили о бывшемъ и послѣдній былъ введенъ въ комнату, гдѣ собрались подчиненные адмирала и боевые товарищи въ ожиданіи дальнѣйшихъ распоряженій. Флотъ нашъ, успѣвшій прославить себя въ недавнихъ дѣлахъ съ турками, теперь бездѣйствовалъ и, стоя на якоряхъ, старые фрегаты дремали, вспоминая грозные и славные дни Синопа.

По выраженію лица прибывшаго вѣстника, можно уже было догадаться, что онъ явился не съ радостными сообщеніями объ альминскомъ дѣлѣ.

Корниловъ принялъ пакетъ, прочелъ приказъ главнокомандующаго, молча обвелъ присутствующихъ флагмановъ и капитановъ глазами и объявилъ слѣдующее: „Наши войска дрались храбро, но потерпѣли пораженіе. Непрiятель идетъ на Севастополь. Вражескій флотъ можетъ сжечь наши корабли... Предлагаю: всему нашему флоту выйти въ море, напасть на непріятельскій флотъ, стараться разбить его, а при неудачѣ—схватиться на абордажъ, бортъ о бортъ съ самыми сильными вражескими судами и вмѣстѣ взорваться на воздухъ. Мы спасемъ и армію и Севастополь“.

Это безсмертное слово было произнесено просто, но присутствующіе невольно почувствовали, что имъ предлагаютъ титаническое самоубійство, предъ которымъ, пожалуй, поблѣднѣетъ подвигъ Леонида и трехсотъ спартанцевъ. Если генераль-адмиралъ такъ просто говоритъ объ этомъ дѣлѣ, то это потому, что предла-

гаемый подвигъ, по его мнѣнію, необходимъ для спасенія родины.

Охотниковъ пожертвовать собой для спасенія отчизны и родного Севастополя, конечно, среди моряковъ нашлось бы не мало, но вдругъ раздался знакомый голосъ всеобщаго любимца адмирала Павла Степановича Нахимова, голосъ твердый, мужественный и увѣренный. Кто же кромѣ Нахимова дерзнулъ бы оспаривать пользу и цѣлесообразность предложенія, сдѣланнаго минуто тому назадъ?.. Конечно, никто. Всякій побоялся бы прослыть малодушнымъ, трусомъ. Но Нахимову этого нечего бояться, его боевая слава слишкомъ прочна.

Послѣ незначительной паузы Павелъ Степанычъ кашлянулъ въ руку, погладилъ книзу опущенные усы и началъ скромно, но энергично возражать, доказывая, что если мы выведемъ наши четырнадцать кораблей противъ флота въ десять разъ сильнѣйшаго, то произойдетъ не битва, а бойня.

— Всякій матросъ не задумается идти на вѣрную смерть за отечество-съ, такъ-съ!.. Моряки вездѣ сумѣютъ умереть со славою... Да-съ!..—заклучилъ Нахимовъ.

На слѣдующій день отъ главнокомандующаго было получено приказаніе преградить непріятельскому флоту входъ въ бухту, для чего требовалось затопить у входа наши корабли.

Нелегко было морякамъ принять и привести въ исполненіе это порученіе. Закаленные въ битвахъ матросы и старые флагманы смахивали украдкой жгучія слезы, прощаясь съ обреченными на гибель кораблями.

Семь боевыхъ кораблей заняли фарватеръ, и особо назначенныя команды принялись рубить топорами подводныя части обреченныхъ на гибель великановъ.

Одинъ за другимъ исчезали великаны въ морской пучинѣ.

Стоявшій на берегу народъ не могъ удержаться отъ глухихъ рыданій. Плакали не только женщины, но и мужчины; ревѣла даже дѣтвора, охваченная общимъ настроеніемъ.

Но чаша всеобщей скорби окончательно переполнилась, когда старый боевой ветеранъ, носившій имя „Три Святителя“, несмотря на массу воды, хлынувшей въ прорубленные отверстия, все же не хотѣлъ спуститься съ товарищами въ братскую могилу. Онъ будто не признавалъ ранъ, нанесенныхъ любящей рукой во имя долга. Старецъ, гремѣвшій своими пушками подъ стѣнами Синопа, и погибнуть хотѣлъ въ честномъ бою.

На берегу толки и пересуды росли какъ снѣжная лавина.

— Не пойдетъ на дно нашъ богатырь,—говорили матросы.

— Не такая ему смерть нужна...

— Извѣстно, онъ не таковскій,—соглашалось большинство.

— Ему требуется боевая кончина...

Чтобъ покончить съ тяжелой сценой, былъ отданъ приказъ „Громоносни“ дать залпъ по строптивому герою.

Грянули пушки, и остовъ судна скрылся въ голубомъ пороховомъ дыму.

Разсѣялся дымъ—старога упряма, какъ не бывало; море зыбнеть по прежнему, скрывъ на вѣки могилу великана.

Цѣной великой жертвы входъ на рейдъ былъ загражденъ. Теперь оставалось собрать всю энергію, всѣ силы для отраженія нападенія сухопутныхъ вражескихъ армій.

Энергіи было довольно, такого подъема народнаго духа давно не знавала Россія, но силы наши были слишкомъ незначительны.

И вотъ съ этими силами нужно было принять вызовъ вчетверо сильнѣйшаго врага, необходимо было дать отпоръ тремъ арміямъ: турецкой, французской и англійской.

Нелегкая задача выпала на нашу долю. Силы наши теперь были въ томъ, чтобы твердо помнить завѣтъ адмирала Корнилова. Отважный адмиралъ зналъ кому говорить и съ кѣмъ имѣеть дѣло, когда обратился къ гарнизону со слѣдующими словами: *„Ребята! будемъ драться до крайности: ляжемъ встѣ, но не отступимъ. Заколите того, кто скажетъ объ отступленіи, заколите меня, если я прикажу отступить“*...

Но откуда же появились эти враждебныя арміи?.. Чѣмъ мы вызвали эту злобу?..

Искрой, заставившей вспыхнуть огромный костеръ, послужила наша непоколебимая рѣшимость отстоять права православныхъ христіанъ, попираемыхъ въ далекой Палестинѣ у гроба Господня турками въ угоду проискамъ и интригамъ европейской дипломатіи.

Въ слѣдующей главѣ мы подробно коснемся этого вопроса.

II.

Политическій горизонтъ въ половинѣ XIX вѣка.—Ворьба католицизма и православія.—Воннствующій католицизмъ у гроба Господня.—Фокусы дипломатин.—Мечъ обнаженъ.

Наполеонъ III не могъ не чувствовать неустойчивость своего положенія и всю зыбкость своего трона, путь къ которому былъ забрызганъ кровью и заваленъ трупами согражданъ.

Не пробудившаяся совѣсть терзала его и не давала ему покоя, а страхъ, страхъ потерять украденную съ такими усилиями власть и всё тѣ земныя блага, которыя можно имѣть, опираясь на эту власть. Маленькій человѣчекъ, по волѣ слѣпого случая взобравшійся на ходули, ежечасно, ежеминутно боялся, что неожиданный порывъ вѣтра раскачаетъ эти ходули и однимъ дуновеніемъ обратитъ его въ прежнее ничтожество.

Пытаясь всѣми средствами добиться популярности, бывшій консулъ заручился расположеніемъ духовенства, безъ особаго труда задрапировавшись въ черную мантию классицизма. Для вяжяго доказательства своего религіознаго пыла онъ усердствовалъ даже посылкой особой экспедиціи, отправленной въ Римъ для возстановленія тамъ папской власти. Онъ торжественно превозгласилъ, что „L'Empire c'est la paix“ — Имперія есть миръ, что, впрочемъ, не мѣшало ему заниматься составленіемъ военныхъ коалицій противъ Россіи.

Бывшій консулъ никакъ не могъ простить русскому императору Николаю I-му той особой медлительности, которую обнаружилъ Николай Павловичъ, когда дѣло коснулось признанія Людовика-Наполеона императоромъ. Ненависть къ Россіи подогрѣвали въ немъ воспоминанія о превратностяхъ судьбы его дяди, которому пришлось среди русскихъ снѣговъ сказать прости *удачь*. Такимъ образомъ, Россія всегда была какъ бы невольнымъ врагомъ Наполеонидовъ и они чувствовали, что въ такой огромной „полудикой“ странѣ подъ императорской короной умѣютъ различать печать авантюриста.

Не взирая на мирныя заявленія, онъ спалъ и вѣдѣлъ, чтобы зажечь огромный пожаръ и при помощи Англіи обезсилить страну „бѣлыхъ медвѣдей“, не желавшую идти съ нимъ въ ногу, пренебрегая собственными интересами. Интересы Россіи и Англіи давно сталкивались на Востокѣ, и Франція тѣхъ временъ не могла бы найти себѣ лучшаго соперника, въ борьбѣ съ сѣвернымъ Колоссомъ. Самонадѣянный императоръ еще увѣрялъ себя, что „Колоссъ“ стоитъ на глиняныхъ ногахъ, и свалить его ничего не стоитъ.

Такъ думалъ и Бонапартъ, пожаловавшій къ намъ, съ „двунадесятью языками“, и также горько разочаровался.

То, въ чемъ усматривалась наша сѣрость и дикость, то и являлось именно несокрушимой силой. Наши враги изъ прекраснаго далека проглядѣли народную массу и народное сердце, къ которому имъ всѣ пути были закрыты. Они не могли понять, что народъ, надъ которымъ тяготѣетъ Божья власть, власть кормилицы земли, что такой народъ непобѣдимъ. Какъ сурокъ живетъ онъ въ потемкахъ, повинаясь власти земли. Если онъ вынесъ тысячелѣтнее иго татарское и крѣпостную неволю, то вынесетъ все, что Господь ни пошлетъ. А засвѣтитъ ему солнце знанія и станетъ онъ во сто кратъ сильнѣе...

Справившись со своимъ политическимъ барометромъ Наполеонъ III рѣшилъ бросить искру въ костеръ. Какъ мы уже говорили, искра эта давно тлѣла подъ щепломъ взаимныхъ недоразумѣній, накопившихся среди представителей двухъ церквей. Представители католической церкви всегда и всюду стараются главенствовать, не допуская и мысли о равенствѣ, отодвинуть же представителей православія на второй планъ—это считается заслугой особенной, чуть ли не подвигомъ.

Представители христіанскихъ вѣроисповѣданій всегда заботились о предоставленіи возможныхъ удобствъ паломникамъ, являющимся въ Палестину для посѣщенія мѣстъ, освященныхъ землею Спасителя. Въ этихъ заботахъ они старались раздобыть у фактическаго обладателя святой земли, турецкаго султана, возможно больше правъ для себя и для своихъ паломниковъ. На этомъ поприщѣ особенно отличалось католическое духовенство, продолжая ратовать не объ интересахъ христіанъ вообще, а объ интересахъ католиковъ.

Послѣ появленія въ Парижѣ дышащей ненавистью къ православію брошюры одного аббата, въ которой послѣдній обвиняетъ Россію въ посягательствахъ на права латинской церкви, французское правительство потребовало, чтобы Порта отдала въ полное распоряженіе католическаго духовенства слѣдующія свята мѣста: большую церковь въ Вилелемѣ, святыню Рождества Господня съ правомъ поставить тамъ новую звѣзду и имѣть въ исключительномъ владѣніи гробъ Пресвятой Богородицы и камень помазанія.

Путь православнымъ паломникамъ ко гробу Господню былъ всячески затрудненъ и желающіе помолиться у этой высокочтимой всѣмъ христіанскимъ міромъ святыни вынуждены были каждый разъ испрашивать особое разрѣшеніе у турецкихъ властей.

Запреты и притѣсненія касались православныхъ людей. Представители католичества и лютеранства были въ привилегированномъ положеніи и не знались съ униженнымъ положеніемъ закрытыхъ дверей и торго за право молитвы.

Безконечно тянуться такое ненормальное положеніе не могло, а вилянье турецкихъ министровъ только подливало масла въ огонь.

Испытавъ всё бывшія въ его распоряженіи мирныя средства, государь Николай Павловичъ приказалъ русскимъ войскамъ выступить въ турецкія владѣнія, чтобы силой оружія поддержать достоинство Россіи и интересы не только русскихъ подданныхъ, но и всѣхъ православныхъ христіанъ.

Двѣ христіанскія державы, Франція и Англія, рѣшили поддерживать Турцію въ критическую минуту и, воспользовавшись удобнымъ моментомъ, заключили союзъ, направленный всецѣло противъ Россіи.

Императоръ Николай I, немедля ни минуты, отвѣтилъ манифестомъ, который заключался слѣдующими словами: „Да познаетъ же все христіанство, что какъ мыслить Царь Русскій, такъ дышетъ, такъ мыслить съ Нимъ вся русская семья—вѣрный Богу и Единородному сыну Его, искупителю нашему Іисусу Христу, православный русскій народъ. За вѣру и христіанство подвизаемся! Съ нами Богъ, никто же за ны!“

Высадка союзниковъ на Крымскомъ побережьѣ и битва при Альмѣ—это были первыя главы крымской эпопеи, стоившей впоследствии такъ дорого и намъ, и нашимъ противникамъ.

Цѣлый лѣсъ мачтъ и пароходныхъ трубъ заслонилъ ясный крымскій горизонтъ.

Дипломаты замолчали.

Заговорили пушки.

III.

Отголоски съ береговъ Альмы. — Балаклава и ея защитники.—
Изаумленный врагъ.—Мнѣніе иностраннаго историка о стойкости
русскаго народа.

Если до Альмы у насъ была въ большомъ ходу и почетѣ фраза: „шапками закидаемъ“, то первое же серьезное столкновение съ хорошо вооруженной силой быстро излечило насъ отъ дѣтскаго самомнѣнія и мы уразумѣли сразу всѣ преимущества дальнобойныхъ орудій, нарѣзныхъ штуцеровъ и тѣхъ необходимыхъ человѣческихъ удобствъ, которыми у непріятеля было обставлено житье-бытье солдата.

Хотя мы совершенно не были подготовлены къ встрѣчѣ непріятельскаго десанта, но это не помѣшало намъ отрекомендоваться какъ слѣдуетъ, и первое знакомство съ нашимъ сѣрымъ богатыремъ-солдатомъ заставило не на шутку призадуматься союзниковъ, увѣренныхъ до этого знакомства, что ихъ путь въ русскую землѣ будетъ чѣмъ-то вродѣ церемониальнаго марша.

Все, что только позволяютъ человѣческія силы, все это русскій солдатъ продѣлалъ при первомъ же знакомствѣ съ непрошенымъ и незваннымъ гостемъ, не обнаруживъ при этомъ и тѣни смущенія.

Видѣлъ онъ, что выпущенная имъ пуля роетъ землю, не достигнувъ непріятеля, онъ оставлялъ зумку съ патронами, бралъ ружье на неревѣсь и оросался

въ штыки, не обращая вниманія на огонь и убійственный свинцовый дождь, хлынувшій въ лицо и открытую грудь и вырывавшій цѣлыя полосы изъ строя.

Недаромъ послѣ битвы при Альмѣ на полянахъ будто макъ алый разцвѣлъ,—такъ густо они были усѣяны красными мундирами убитыхъ англичанъ. И англійскій полководецъ, герцогъ Кембриджскій, имѣлъ полное основаніе съ горечью воскликнуть: „Еще одна такая побѣда—и у моей королевы не будетъ арміи!..“

Альминское дѣло стоило обѣимъ сторонамъ около десяти тысячъ человѣческихъ жертвъ.

Отличились въ немъ наши молодцы, но не ударили лицомъ въ грязь и гости. Надо отдать и имъ справедливость. Французскіе зуавы обнаружили рѣдкую выдержку и ловкость въ рѣшительныя минуты битвы, перевѣсъ оставался на сторонѣ непріятеля, чисто благодаря быстротѣ и мужеству зуавовъ. Когда требовалось поднять на возвышенность артиллерию, а лошади были переранены, или не могли подниматься по невозможнымъ тропинкамъ—на выручку спѣшили зуавы и своими руками передвигали тяжелыя пушки, напоминая нашего все выносливаго солдатика.

Героическіе подвиги не диво на войнѣ. Рядомъ съ нимъ гораздо ярче выступаютъ здѣсь подвиги христіанской любви, самоотверженія, теплаго участія и заботы о ближнемъ—братѣ.

Каждая война богата такими подвигами, но въ Севастопольскую войну ярче, чѣмъ во всѣ предыдущія наши войны, обратилъ на себя вниманіе расцвѣтъ человѣческой души.

Изъ строя выходили тѣ, кого дѣйствительно выбивалъ непріятельскій свинець. Кто могъ держаться на ногахъ, тотъ не уходилъ добровольно за фронтную линію.

— Ребята, впередъ!.. ребята, впередъ!—раздаются охрипшіе голоса офицеровъ.